
ТЕОРИЯ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Почему производство? Исследователи, работающие в сфере социальной экологии, до сих пор мало обращались к самому процессу производства этого знания. Как правило, предметом научного анализа была детерминированность этого знания самой социо-исторической динамикой (Кульпин 1992; 1996), или способ производства этого знания в рамках академических и иных социальных институтов, или же прикладное, «оперативное» социально-экологическое знание, потребное для принятия решений или иных политических целей (массовые опросы для выяснения уровня экологической обеспокоенности населения, места экологических целей и ценностей на шкале индивидуальных, групповых или национальных приоритетов и т. п.). Соответственно парадигматически эти исследования были построены по схеме «историческое знание – теория», «знание – практика» и «информация – политика». Сама парадигма этого производства не была проблематизирована и не являлась предметом научного обсуждения.

Так или иначе, в тени оставались многие вопросы культурной, экономической, политической и социальной (далее – социальной) обусловленности процесса производства этого знания. Конечно, время от времени в литературе дискутировались проблемы социальной обусловленности научного производства, междисциплинарного и межсекторального (межинституционального, межведомственного) взаимодействия, социальной и политической интерпретации научного знания в процессах принятия решений, восприятия разными категориями населения экологического знания, производимого где-то «там, наверху», усвоения знаний в процессах обуче-

ния, пропаганды и общей социализации, но они рассматривались отдельно, обособленно. Практически никогда в российской литературе не поднимался вопрос об эпистемологическом статусе локального знания, способах его производства и трансляции в «большое общество».

Ключевая проблема социально-экологического производства заключена в том, что произведенное «экологическое» знание *многokратно опосредуется* в процессе продвижения от науки к практике (потребителю). Во-первых, как показано зарубежными и российскими исследователями, «вертикальная», директивная (или, как ее именуют на Западе, дефицитная) модель этого процесса, ведущая свое начало от эпохи Просвещения и получившая свое наиболее полное выражение в концепциях «рационального поведения» (Вебер 1990), все более вытесняется интерактивными и партнерскими схемами (Adam and van Loon 2000; Королева 2005). Во-вторых, сама наука находится под сильным воздействием социального контекста и, более того, имеет скрытые вненаучные (ценностные) регуляторы (Beck 1999; Gregory and Miller 2000; Irwin and Wynne 2003). В-третьих, данное знание производится именно во *взаимодействии* многих акторов – локальных и национальных, научных работников и политиков, экспертов и «людей улицы», непрофессионалов, в ходе которого научное знание многократно трансформируется, реинтерпретируется (Яницкий 2002а; 2002б). Наконец, само местное население, его гражданские инициативы, сообщества и движения, является не только реципиентом транслируемого «сверху вниз» знания, но и активным его источником и интерпретатором (Fisher 2003; Яницкий 2004). Насколько все это актуально не только для процесса познания, но и для организации научного производства и, в частности, для судьбы Российской академии наук, свидетельствуют многочисленные публикации в научной литературе и прессе (см., например: Водопьянова 2005; Рассохин 2006).

Таким образом, данное производство не ограничено рамками института науки: оно осуществляется во многих точках социокультурного пространства. Логика познания этого производства строится по логике развития объекта исследования, понимаемого как взаимодействие и конфликт социальных акторов, встроенных в специфический социальный контекст. *Конфликт и контекст*

здесь методологически важные моменты процесса производства социально-экологического знания. Другой всеобщий (и не менее важный) момент – производство рисков. Сегодня потребность в социально-экологическом знании как знании о «последствиях» все более стимулируется рискогенной природой общественного производства и, следовательно, необходимостью взаимодействия научных, политических и общественных сил для борьбы с растущими масштабами угнетения социальной и природной среды, отчуждением индивида от анонимного бюрократического механизма принятия решений, нарушением базовых прав и свобод рядовых граждан. Таким образом, в теоретическом аспекте предлагаемая ниже интерпретация производства этого знания ближе всего к парадигме общества риска, утверждающей, что риск имманентно присущ любой форме производительной деятельности и человек имеет легитимное право защищаться от него (Beck 1992; 1999; Яницкий 2003).

Современное общество все более обременено проблемами производства, выявления, распределения рисков, порождаемых прежде всего наукой и высокими технологиями. Равно как и проблемами установления *социально-допустимых* и *социально-приемлемых* рисков, что также является продуктом взаимодействия различных социальных сил и поиска компромисса между ними. Поскольку сегодня риски существуют главным образом в *форме знаний* о них, эти риски могут быть минимизированы, представлены как безвредные или, напротив, преувеличены и драматизированы посредством СМИ и других технологий. Когда производство рисков есть высокоприбыльный бизнес, который рядовые граждане не способны контролировать, вопросы о том, кто решает, «что есть риск» и кто его распространяет, приобретают ключевое общественное значение (Beck 1999: 262–264). Поэтому в своей моральной интенции данная форма исследования противостоит процессу всеобщей маркетингизации научного, в том числе социально-экологического, знания, акцентируя значимость уникального места, ситуации, локальной культуры, а также моральную ответственность исследователя за социальные последствия его исследований.

Представляется, что в структурном плане производство социально-экологического знания есть периодически возобновляющийся процесс коммуникации комплекса наук с другими институтами

и организациями общества и с населением. В практическом смысле «нормальное» социально-научное производство, точнее, каждый его отдельный результат можно определить как вовремя полученное, разрешающее (смягчающее) данную конфликтную ситуацию, практически реализуемое и соответствующее некоторой общей культурной норме взаимодействия вовлеченных в него акторов знание. В этом смысле можно говорить о нормальности, то есть о некотором образце, идеале, к которому должны стремиться участники данного производства. Эту нормальность я понимаю также как двуединость его целей: достижение взаимопонимания (согласия) между конфликтующими сторонами и максимальной пользы или смягчения неизбежного вреда (риска).

Эпистемологической основой рассматриваемого производства является «средовая» модель познания – дискурсивное исследование-практика, включенное в контекст специфической культуры, времени и обстоятельств. Поэтому социально-экологическое знание – скорее результат диалога и договоренностей между различными акторами и культурами (например, достижение согласованного представления о социально приемлемом риске), нежели точных измерений, то есть прежде всего коммуникативный процесс.

Познавательные принципы. Их смена порождается самой исторической динамикой познавательного процесса: сдвигом от просветительской («вертикальной») его модели («наука – практика») к диалогической и мультикультурной, признающей существование локальных источников знания и соответственно относительность разграничения объект/субъект (Adam and van Loon 2000; Королева 2005). Данный сдвиг происходил как под воздействием социальных факторов (демократизации жизни, роста материальной обеспеченности, уровня образования и экологической обеспокоенности), так и перемен в способах научной интерпретации социального мира под влиянием работ социальных критиков, антропологов, культурологов, краеведов, исследователей общественных движений, теоретиков «общества риска» и культурного инвайронментализма.

В чем же заключены основные перемены? Во-первых, в том, что население трактуется не как агрегат атомизированных индивидов – оно имеет определенную социальную организацию и, следовательно, легитимную культурную специфику. В частности, это

означает, что ученые и публика существуют в различных плоскостях власти и влияния. Как говорил М. Фуко, власть производит реальность, она производит область своих объектов, а также методы добывания истины относительно них (Foucault 1975). Во-вторых, конструкции «публики» (населения), то есть ее группировки, разбивки и т. п., создаваемые учеными для своих массовых исследований, и ее реальные конструкции (ячейки, общности, сети) различны. В-третьих, базовые ценности ученого-социолога, ученого-эколога и других социальных акторов – участников социально-экологических конфликтов – также различны. В-четвертых, игнорирование или «непонимание» населением знания, сконструированного в соответствии с принятыми научными стандартами, трактуется, как правило, учеными и публичными политиками как неподготовленность населения или его неспособность к восприятию, тогда как в действительности это игнорирование является результатом активной рефлексии и конструирования конкретными акторами собственного понимания проблемы или ситуации и, отсюда, своего отношения к социальным институтам, ответственным за их решение. В-пятых, это именно их, местных акторов, понимание (ситуативное и опосредованное культурой) конфликта и оценка той ситуации, в которой он развивается, детерминируют структуру социального действия местного населения.

Принципиально важным является вовлечение локального знания в процесс производства социально-экологического знания. Это знание является результатом перманентного формирования – прежде всего местным населением, лидерами гражданских инициатив, но также и учеными-адвокатами (Яницкий 2004) – смыслов в конкретном контексте или ситуации. Это знание представляет собой важный источник познания социального мира, в котором живут люди. Локальное знание придает первостепенное значение местным условиям и событиям, личностным взглядам и индивидуальному опыту, то есть тяготеет к субъективности. Локально формирующиеся экспертные оценки отражают более широкие пространственно-временные, нежели научное знание, характеристики местного контекста. Местные активисты конструируют эти оценки на основе верований, традиции, местной мудрости, а также используя СМИ, Интернет и другие источники, а также мнения членов семьи

и друзей. Именно на основании подобных культурных ресурсов местные жители дают *синкретические* суждения, которые идут «поперек» научных и политических рекомендаций. Тест такой модели локального знания всегда практический: работает ли оно для объяснения событий и рисков повседневной жизни (Kempton *at al.* 1995). Локальные знания местного жителя, активиста или члена сетевой организации могут существенно различаться, но у них есть общий знаменатель – «кокон основополагающего доверия» (Гидденс), то есть знание о совокупности жизненно необходимых условий, которые можно обрести более или менее постоянно и надежно. В целом, как писал А. Шютц, распространение знания социально обусловлено, и его механизм и есть предмет социологии. Конкретный «социокультурный мир жизни» является детерминирующим фактором распределения знания и его относительной пригодности для конкретной среды и социальной группы (Shutz 1964: 121, 149).

Экологический риск, как отмечала много лет назад М. Дуглас, не вещь, не материальная субстанция и даже не «отражение» реального в сознании, это способ мышления (Douglas 1962: 42). Для интерпретации риска надобно обладать «чувством конструкции», то есть понимать, что всякий риск и его восприятие сконструированы, а также учитывать внутренне противоречивый, конфликтный характер этих ментальных конструкций индивида и группы. Как подчеркивается в современной научной литературе, знание об экологических рисках обязательно «объемное» (комплексное, синкретичное), контекстуальное и позиционированное, а выбор позиции (в структурах власти и влияния) есть всегда вопрос этики (Adam *at al.*). Следовательно, для познания и интерпретации рисков необходимо преодоление дисциплинарных размежеваний и сосредоточение на «безграничной» природе связки «наука – практика», включая другие сферы научного производства, а также политику, коммерцию и СМИ. Все это свидетельствует в пользу перехода от этоса калькуляций (бинарной логики) к этосу взаимодействия и посредничества, что, в свою очередь, говорит о необходимости изменения языка науки.

В целом, по мысли М. Дуглас и А. Вильдавски, «культурная теория восприятия риска ...рассматривает социальную среду, принципы выбора [риска] и воспринимающий субъект как единую

систему. Эта теория не игнорирует реальность опасностей вокруг нас. ...Наш главный тезис состоит в том, что каждое общество производит свой собственный взгляд на природную среду, взгляд, который влияет на выбор опасностей, заслуживающих нашего внимания. Атрибуция ответственности за природные риски является нормальной стратегией для защиты определенного набора ценностей, принадлежащего определенному образу жизни... Основанное на культурной модели исследование восприятия риска нацелено на выявление того, как различия в характеристиках общественной жизни детерминируют различные реакции на опасность» (Douglas and Wildavsky 1982: 6–8). Именно императивы необходимости учета восприятия экологических рисков разными социальными субъектами и включения моральных принципов в шкалы оценки этих рисков отличают предлагаемый подход от сайентистского и позитивистского.

Об эпистемологии. Позитивизм основан на твердой вере в способность аналитика познавать и рационально контролировать весь окружающий мир. Эта рационалистическая ориентация базируется на эмпирическом измерении, аналитической точности и концепции «системности», которые составляют основу доминирующего взгляда на мир социологов-позитивистов. Как методологический инструмент, позитивизм представляет собой логически выверенный, инструментальный и хорошо методически отрететированный подход к решению дискретных проблем. При таком подходе социальный эколог дистанцируется от реальности, расчленяет ее на части соответственно социальному заказу и наличным исследовательским ресурсам, затем разрабатывает средства для разрешения проблемы «наиболее эффективным», с его точки зрения, способом и, наконец, как эксперт предлагает «решение» проблемы.

Средовой (инвайронментальный) подход является, скорее, пост-позитивным. Его сторонники полагают, что объективная реальность существует, но никогда не может быть понята и объяснена полностью по причине множества причинно-следственных связей в природной и социальной среде, их быстротечности, равно как и множества социальных значений и социальных оценок конкретных ситуаций, носителями которых являются акторы разного уровня и социальной принадлежности. Поэтому суть средовой парадигмы

состоит в переходе от традиционной опоры на отстраненную научную верификацию к *контекстуальной, дискурсивной модели* социально-экологического исследования. С этой точки зрения социально-экологическое знание понимается как встроенное в контекст времени и обстоятельств (Irwin 2001; Fisher 2003).

В общем виде контекст деятельности некоторого социального актора может быть представлен как его среда и ресурс. Контекст субъектен в том смысле, что состоит из других социальных акторов и их сетей, а также социальных институтов. Но контекст одновременно объектен, поскольку, во всяком случае на начальном этапе исследования, он противостоит актору как данность. Как мы предположили ранее, каждый социальный актор действует и развивается одновременно в трех контекстах: историческом (цивилизационном), макросоциальном и ситуационном. Первый представляет собой совокупность базовых норм, господствующих в обществе в целом. Это – доминирующий взгляд на мир. Второй есть прежде всего политический режим, определяющий взаимоотношения государства и гражданского общества, структуру его политических возможностей. Третий, ситуационный, – это та непосредственная среда, в которой действуют социальные акторы (Яницкий 1992: 43). Эпистемологически средовой подход представляет собой стремление понять и реконструировать всю сложную систему взаимодействий между носителями формального знания и независимыми экспертами, властью и гражданами, институтами и изменяющимся контекстом, которая складывается в процессах принятия и реализации решений. Данный подход означает замену формальной логики позитивной науки неформальными размышляющими рамками практически ориентированного разума, то есть *диалогом-в-контексте*. Чувствительность социального эколога к локальному и фиксированному во времени суть базовые методологические предпосылки такого подхода (Toulmin 1990). Поэтому распространенное представление о том, что процедуры валидации научного знания и его распространение в обществе отделены друг от друга, на наш взгляд, ошибочно. Валидация (релевантность, соответствие) экспертного знания для конкретного случая не должна осуществляться *a priori*, то есть независимо по отношению к его социальному (практическому) использованию или хранению.

Принципиальными моментами данной эпистемологии является, во-первых, представление об обществе как о неоднородной, множественной структуре власти и влияния. Во-вторых, понимание объекта исследования как сложно организованного (социобиотехнического), то есть одновременно эволюционирующего, конструируемого и самоорганизующегося. В-третьих, это императив «субъектности среды», то есть ее интерпретация как живого организма, не только следующего регулятивным воздействиям «сверху», но имеющего свою специфическую культуру, способы ее артикуляции, права и возможности ее воспроизводить через неформальные сети обучения и межкультурного взаимодействия. Всякая среда имеет свою несущую способность, ее разрушение вызывает выброс «энергии распада» (Яницкий 2003). Фактически речь идет об интерпретации этих ее субъектных сил как социальных фактов. В-четвертых, это акцент на роли *культурной рациональности*, которая понимается как опора социального действия индивидов и групп на локальную культуру, восприятие и знание, относящиеся к специфическому (местному или иному) социокультурному контексту. Культурная рациональность формируется на основе здравого смысла, каузального эмпиризма и спекулятивного анализа индивидов, которые, в свою очередь, базируются на их индивидуальном и групповом опыте или традиции. Культурная рациональность имеет иную временную размерность. В то время как специалисты, как правило, производят знание только о текущих событиях или, гораздо реже, о ближайших переменах, люди хотят обладать знанием, соизмеримым с их жизнью, жизнью их детей и внуков. Данная рациональность, именуемая иначе «рациональностью мира жизни» (Fisher 2003: 132–133), выступает необходимым источником производства социально-научного знания. Наконец, данный подход придает ключевое значение доверию.

Сказанное имеет практический смысл. При позитивистской ориентации рассматриваемого производства происходит взаимное отторжение экспертного и локального знания/опыта. Эксперты, дистанцированные по отношению к местному сообществу, всегда стремятся абстрагироваться от конкретной ситуации, местных культурных особенностей. Носители экспертного знания мало чувствительны к локальному контексту, редко прислушиваются к го-

лосам местных жителей, не вникают в их возможности. В свою очередь, местные группы часто игнорируют экспертное знание, так как оно не приспособлено к их потребностям, ограничениям и структуре потребностей. В частности, эксперты не учитывают тот факт, что освоение людьми социально-экологического знания всегда опосредуется культурой – профессиональной, локальной, бытовой или «активистской». Как отмечается, кто-то из местных жителей, будучи непосредственно вовлечен в решение экологических проблем, был вынужден осваивать какую-то научную аргументацию. Другие осваивали экологический язык при помощи СМИ и Интернета, третьи – в процессах переобучения, четвертые – для решения своих профессиональных проблем, пятые, как политики, – чтобы быть более убедительными в своей публичной деятельности. Наконец, если лидеры массовых экологических кампаний заинтересованы в росте экологической обеспокоенности жителей и осознании ими экологических опасностей конкретного места, то эксперты, как правило, нет (Yearley 2003). Таким образом, не существует какого-то одного простого способа освоения научного знания различными социальными стратами и сообществами.

О механизме производства знания. В основе механизма рассматриваемого производства лежит оппозиция двух социальных парадигм развития общества: утилитаристской (потребительской) и сохранительной (воспроизводственной). Соответственно речь идет о противостоянии и конфликте сил, производящих риск, разрушающих социальную среду, превращающих людей в «отходы» (Bauman 2004), и сил, занятых защитой человека и среды его обитания, сохранением его социального капитала и культурной идентичности. Или – в самом широком смысле – сил защиты общества от саморазрушения. Конфликты развития и сохранения, производства и воспроизводства, глобального и локального, унифицирующего «потока» и уникальной культуры «места» являются ключевыми проблемами социально-экологического исследования.

Выявление всей его структуры выходит далеко за рамки данной статьи. Поэтому, базируясь на обозначенном выше принципе *конфликтности отношений*, обозначу лишь основные противостоящие силы. С оппозицией двух названных социальных парадигм непосредственно связан конфликт позитивистской и постпозитивист-

ской интенций социально-экологического исследования и соответственно ориентации исследователя на инструментальную или культурную рациональность. Далее, это противостояние научного истеблишмента, который так или иначе политически ангажирован, и критической научной и общественной «периферии», в частности специалистов-практиков и активистов, занятых сохранением биологического и культурного разнообразия, охраной жилой среды, поддержанием местных сообществ, то есть «адвокатов места». Затем – конфликт научного сообщества, ориентированного на повышение стандартов научности (посредством периодической сертификации знания и его носителей) и исследовательских сил, нацеленных на выявление контекстуальных механизмов производства знания, включая вненаучные его ресурсы (верования, традиции, текущий опыт общения с властными структурами). В совокупности названные размежевания порождают конфликт между «научной элитой», все более срастающейся с корпоративно-бюрократической машиной, и общественно-научными силами, стремящимися получить комплексное, объемное знание, способствующее развитию и легитимизации институциональной системы, работающей на поддержание разнообразия и жизнеспособности социальной и природной среды.

Структурной основой этого производства является *сеть взаимодействующих и конкурирующих акторов*. Эпистемологически в основе данного положения лежит императив социологии социального знания: «следуй за актором» (Irwin 2001: 96). Социально-экологическое знание производится как в нисходящих, так и в «восходящих потоках» (познание в процессах ответа на давление «сверху», будь то сопротивление унифицирующим рекомендациям официальной науки или конъюнктурным политическим решениям). Гражданские инициативы, неправительственные организации, общественные движения – необходимые структурные элементы рассматриваемого производства. К тому же, как отмечается, каждый из акторов данного процесса имеет «скрытые», то есть эгоистические, модели социального действия (Irwin and Wynne 2003). Это можно интерпретировать как наличие внутренних (самосохранение, ресурсное обеспечение) и внешних (легитимация, общественная идентификация, публичный успех) целей, соотношение между

которыми периодически меняется в зависимости от внутренней ситуации и изменения контекста.

Принципиально важным моментом сетевого взаимодействия являются процессы внутренней трансформации общественно-научных групп («групп вызова»). В ходе исследований динамики самоорганизации экологических инициатив и местных сообществ удалось выявить 10 стадий их эволюции в благоприятном социальном и политическом контекстах, как-то: информативная, иницирующая, коммуникативная, стадия попытки реализации первоначального проекта, рефлексии, идеологическая, проектная, начало второй стадии реализации собственного проекта, попытка его полной реализации, новая ступень самоорганизации «группы вызова», стадия вторичной рефлексии и т. д. (Яницкий 2002а: 49). В целом конструкция взаимодействия акторов, вовлеченных в социально-экологический конфликт, ориентирована не столько на поиск «конечной истины», сколько на диалог и контекстуальную рефлексию.

Задача социального эколога. В данном типе общественно-научного производства изменяется роль и место социального эколога: он должен быть одновременно «снаружи» и «внутри», уметь «войти» в конкретную ситуацию, то есть осмыслить ее объемно. Он также должен быть посредником и коммуникатором в междисциплинарном и межкультурном диалоге, осуществлять «взаимный перевод» мнений и требований конфликтующих сторон и уметь политически артикулировать достигнутый компромисс или появившиеся разногласия (Яницкий 2002). Таким образом, он должен быть не столько политически ангажированным экспертом, сколько понимающим аналитиком, коммуникатором и ответственным гражданином.

Как участник такого производства, социальный эколог должен также быть адвокатом и соучаствующим исследователем, способствующим выявлению потребностей местного или иного сообщества, сохранению его социальной и культурной идентичности. Согласно проведенным исследованиям, в современной российской практике существует по крайней мере пять уровней взаимодействия ученых-адвокатов с гражданскими инициативами, неправительственными организациями (НПО) и социальными движениями: (1) отстраненный или нейтральный, (2) понимающий, (3) вовлеченный, (4) партнерский и (5) полностью интегрированный (Яницкий 2004).

Что касается форм такого сотрудничества, то в индустриально развитых странах наиболее распространены: (1) «научный суд», в котором ученые, играя роль «научных судей», должны были выслушивать свидетельства участвующих сторон и организовывать перекрестные опросы в соответствии с определенными процедурами; (2) метод риск-коммуникации для выяснения, как именно население воспринимает и оценивает угрозы и риски их здоровью, близким и среде их непосредственного обитания. Причем культурологический подход к риск-коммуникации заключен в поиске (посредством переговоров и соучаствующего исследования) таких решений, которые бы имели широкую общественную поддержку и поэтому были бы практически реализуемы (Handmer 1995: 88); (3) различные технологии посредничества, предполагающие перенесение дискуссий между властью, экспертами и населением на нейтральную почву, которая бы снимала политическую напряженность конфликтов и способствовала достижению консенсуса между сторонами под контролем ученых и общественности (Kasperson and Stallen 1991; Susskind 1994). В российской практике, помимо общественных слушаний и независимых экспертиз, осуществляемых НПО, все большее распространение получает участие представителей гуманитарных и естественных наук в разработке конкретных проектов охраны и восстановления среды различного формата и масштаба, различные технологии мобилизации местных интеллектуальных ресурсов, мозговые штурмы и др. (Халий 1996; 2004; Яницкий 2002а). Методы «изучения случая», глубинные интервью и анализ человеческих документов в этом случае являются наиболее адекватными.

Социальный эколог призван облегчать публичную коммуникацию, участвовать в ее организации, добиваясь конструктивного взаимодействия между учеными, экспертами и гражданами. Это значит, что он, как и другие участники рассматриваемого процесса, несет моральную ответственность за практические последствия его выводов и рекомендаций. Разные степени и формы соучаствующего исследования имеют общий гносеологический базис: индивиды и их группы являются творцами социальной реальности посредством участия – через личный и групповой опыт, научное и локальное знание, культуру и обучение действием.

Заключение. По своей природе и в России, и за рубежом социально-экологические, то есть средоориентированные, исследования противостоят тенденции всеобщей маркетизации естественных и гуманитарных наук, превращения любого научного знания в товар. Не частный интерес, не манипуляция общественным мнением, а общественное благо (будь это благо малого народа, далекого села или общества в целом) и гражданская ответственность являются моральными основаниями рассмотренного типа исследования. Эти исследования представляют собой один из инструментов для возрождения публичного диалога и поэтому являются механизмом поддержания гражданского общества. Они направлены на поддержание минимально необходимых условий жизни массовых слоев населения, лишенных сегодня интеллектуальных и социальных ресурсов, необходимых им для развития личности, отстаивания базовых прав и свобод, в конечном счете – для «модернизации без унификации», то есть на основе личной инициативы, самоорганизации и разнообразия культуры «мест».

Поэтому нам представляется, что носители академического знания должны работать в тесном взаимодействии с агентами из внеакадемической среды – политиками, независимыми экспертами, лидерами гражданских объединений и обычными гражданами, для того чтобы производить научно обоснованное, контекстуально осмысленное и общественно полезное знание. Институт публичного диалога, его нормы и правила приобретают здесь ключевое значение. Иными словами, эпистемология социально-экологического исследования внутренне связана с принципами открытости социальных сетей и множественности их индивидуализированных узлов, то есть в своей интенции демократична. Если угодно, это личностно ориентированная эпистемология, противостоящая идеологии корпоративности и соборности, направленная против архаизации нашего общества.

В конечном счете в основе эпистемологии социально-научного исследования лежит историзм, признание уникальности событий и участвующих в них личностей. Более того, данная эпистемология стимулирует интерес к публичным фигурам и событиям, идущим наперекор унифицирующему мейнстриму потребительского общества. Поэтому акцент в подобных исследованиях делается не на

одномоментных статистических замерах и срезах, а на связи времен, на цепи значимых событий, хотя совсем не обязательно всегда «прогрессивных» и «модерновых».

Литература

- Вебер, М.** 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Водопьянова, Е. В.** 2005. Судьбы российской науки. *Свободная мысль* 1: 93–106.
- Королева, Е. В.** 2005. Экополитика как взаимодействие науки и ответственности: интерактивный подход. *История и современность* 2: 167–176.
- Кульпин, Э. С.**
1992. *Социоестественная история: предмет, метод, концепция*. М.: Открытый ун-т.
1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Моск. лицей.
- Рассохин, В.** 2006. Академический отпуск. *Литературная газета* (с. 3). 22–28 марта.
- Халий, И. А. (ред.)**. 1997–2004. *Участие: социальная экология регионов России. Альманах*. Вып. 1–13.
- Яницкий, О. Н.**
1992. Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде. *Социологические исследования* 12: 40–50.
2002а. Экологическая политика как сетевой процесс. *Политические исследования* 2: 44–56.
2002б. Экологический риск и его политическая интерпретация. *Журнал социологии и социальной антропологии* 1: 26–42.
2003. *Социология риска*. М.: Изд-во LVS.
2004. Диалог науки и общества. *Общественные науки и современность* 6: 86–96.
- Adam, B., and van Loon, J.** 2000. Introduction: Repositioning Risk; the Challenge for Social Theory. In Adam, B., Beck, U., and van Loon, J. (eds.), *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory* (p. 1–31). London: SAGE.
- Bauman, Z.** 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Beck, U.**
1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.

1999. Modern Society as a Risk Society. In Meja, V., and Stehr, N. (eds.), *The Sociology of Knowledge*. Vol. II: 262—267. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, Ltd.

Douglas, M. 1992. *Risk and Blame. Essays in Cultural Theory*. London: Routledge.

Douglas, M., and Wildavsky, A. 1983. *Risk and Culture*. Berkeley: University of California Press.

Fisher, Fr. 2003. *Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*. Durham and London: Duke University Press.

Foucault, M. 1975. *Surveiller et punir: naissance de la prison*. P.: Gallimard.

Gregory, J., and Miller, S. 2000. *Science in Public. Communication, Culture and Credibility*. Cambridge, MA: Basic Books.

Handmer, J. 1995. Communicating Uncertainty: Perspectives and Themes. In Norton, T., Beer, T., and Dovers, S. (eds.), *Risk Uncertainty in Environmental Management*. Canberra: Australian Academy of Science.

Irwin, A. 2001. *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity.

Irwin, A., and Wynne, B. 2003. Conclusions. In Irwin, A., and Wynne, B. (eds.), *Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology* (p. 213–221). Cambridge: Cambridge University Press.

Kasperson, R., and Stallen, P. 1991. *Communicating Risk to the Public*. Dordrecht: Kluwer.

Kempton, W., Boster, J. S., and Hartley, A. J. 1995. *Environmental Values in American Culture*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Susskind, L. 1994. *Environmental Diplomacy. Negotiating More Effective Global Agreements*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Shutz, A. 1964. *Collected Papers*. Vol. I. The Hague: Nijhoff.

Toulmin, S. 1990. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. Chicago: Chicago University Press.

Yearley, S. 2003. Nature's Advocates: Putting Science to Work in Environmental Organizations. In Irwin, A., and Wynne, B. (eds.), *Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology* (p. 172–190). Cambridge: Cambridge University Press.